Клэр Морн

Сначала ты

18+

Клэр Морн

Сначала ты

«Автор»
2026

Морн К.

Сначала ты / К. Морн — «Автор», 2026

Она вернулась в город, где потеряла всё — кроме памяти, которой у неё не было.Вера Соколова — архитектор, спасающий старые здания. Он — Даниэль Ветров, застройщик, который сносит их. Десять лет назад они были подростками, поклявшимися друг другу на крыше старого кинотеатра: «Сначала ты. Потом я». А потом Вера исчезла. И забыла всё.Теперь Даниэль предлагает ей пари: тридцать дней, чтобы доказать, что «Орион» можно спасти. Если она проиграет — уйдёт из профессии и из его жизни навсегда. Если выиграет — он отзовёт проект сноса.Но дело не в здании. И не в пари.Кто-то следит за Верой. Кто-то присылает ей фотографии из прошлого, которое она не помнит. Кто-то знает, что случилось в тот вечер на лестнице, когда её жизнь раскололась на «до» и «после». И этот кто-то ждал её возвращения десять лет.Даниэль знает больше, чем говорит. Вера чувствует больше, чем помнит. А правда, которую они ищут, может уничтожить их обоих.Сначала ты. Потом я. Так было написано. Так и будет.

© Морн К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дождь не умеет ждать 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Клэр Морн
Сначала ты

Глава 1. Дождь не умеет ждать

Москва в тот вечер пахла мокрым асфальтом, разогретым кофе и чужими секретами. Я стояла под козырьком стеклянного офиса на Пресненской набережной, сжимая в руке телефон, и смотрела, как по экрану ползёт сообщение от неизвестного номера.

«Сначала ты. Всегда ты. Я ждал».

Три предложения. Ни привета, ни подписи, ни объяснений. Я перечитала их ещё раз, будто от количества прочтений мог появиться смысл. Дождь барабанил по козырьку так сильно, что казалось, будто кто-то стучит по стеклу изнутри. Я заблокировала номер, сунула телефон в карман плаща и заставила себя выдохнуть.

В моей жизни давно не было места мужчинам, которые пишут странные вещи по вечерам. Я вообще старалась не оставлять места тем, кто мог бы писать мне что-то по вечерам. В двадцать семь лет я выучила простое правило: если хочешь спокойно спать, не открывай дверь тем, кто однажды уже ушёл. И не отвечай на сообщения, в которых слишком много тишины между словами.

— Вера Андреевна, вы идёте? — из двери высунулся Паша, мой стажёр, с лицом человека, который впервые попал на совет директоров и теперь боится дышать. — Там уже все собрались. Ветров приехал.

Последнее имя он произнёс так, будто предупреждал о пожаре.

Я поправила воротник плаща, проверила, не съехала ли стрелка на колготках, и вошла в холл. Офис нашей архитектурной мастерской «Сокол и партнёры» занимал три этажа старого здания с лепниной, которую мы с трудом отреставрировали два года назад. Здесь всё было пропитано запахом бумаги, лака и амбиций. В том числе моих.

Сегодня мы должны были представить концепцию реставрации кинотеатра «Орион» — последнего памятника конструктивизма в этом районе. Проект, над которым я работала полгода. Проект, который мог стать моим билетом в другой круг. Или моей могилой, если сегодня всё пойдёт не так.

— Вера, — ко мне подлетела Лена, наш арт-директор, с папкой, прижатой к груди, как щит. — Он уже в переговорной. И, кажется, он не в настроении.

— Кто? — спросила я, хотя знала ответ.

— Ветров. Даниэль Ветров. Генеральный «Ветров Девелопмент». Тот, кто хочет снести «Орион» и построить на его месте очередной стеклянный улей.

Я знала это имя. Его знали все, кто хоть раз пытался работать с исторической недвижимостью в Москве. Ветров не просто сносил здания. Он сносил идеи. Он приходил на встречи в чёрном пальто, говорил тихо, смотрел так, будто уже купил тебя вместе с твоими сомнениями, и уходил, оставляя после себя подписанные договоры и ощущение, что ты только что продал что-то важное.

— Он один? — спросила я.

— С юристом и каким-то помощником. Но помощник молчит. Юрист тоже молчит. Говорит только Ветров. И, Вера... — Лена понизила голос. — Он спрашивал о тебе.

Я остановилась.

— Что именно?

— Спросил, кто ведёт проект. Ему сказали, что ты. Он улыбнулся. И сказал: «Значит, она всё-таки вернулась».

Внутри что-то дёрнулось. Не страх. Скорее старое, давно запертое чувство, которое я не собиралась доставать из ящика.

— Мы с ним не знакомы, — сказала я.

Лена посмотрела на меня слишком внимательно.

— Тогда почему у тебя лицо, как будто ты увидела призрак?

Я не ответила. Взяла папку, расправила плечи и пошла в переговорную.

Дверь была приоткрыта. Я услышала его голос раньше, чем увидела.

— ...нет, я не прошу вас сохранить фасад. Я прошу вас объяснить, почему город должен платить за вашу ностальгию.

Голос низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой, будто он всю ночь не спал и теперь решил, что мир должен страдать вместе с ним. Я толкнула дверь.

Переговорная была залита холодным светом. На столе — макет «Ориона», который я собирала три недели, папки, стакан с водой, который никто не трогал. За столом — юрист с лицом человека, который давно привык к чужим катастрофам, и помощник с планшетом. А у окна, спиной ко мне, стоял мужчина в чёрном пальто.

Он обернулся.

И я забыла, как дышать.

Это было не то лицо, которое я помнила. Или, может быть, именно то, только повзрослевшее. Тёмные волосы, слишком длинные для делового человека, упрямая линия подбородка,

шрам на левой брови — тонкий, почти незаметный, но я знала, откуда он. Глаза серые, как река в ноябре. В них не было ни удивления, ни тепла. Только спокойное, почти вежливое узнавание.

— Вера Соколова, — произнёс он. — Значит, ты.

Я сжала папку так, что побелели костяшки.

— Мы знакомы?

Он улыбнулся. Медленно. Так, будто ждал этого вопроса десять лет.

— Ты правда не помнишь? — спросил он. — Или просто решила, что так будет проще?

В комнате стало тихо. Юрист перестал листать бумаги. Помощник поднял глаза от планшета. Лена, которая вошла следом за мной, замерла у двери.

Я не собиралась устраивать сцену. Не здесь. Не перед ним.

— Я помню всех, с кем работаю, — сказала я ровно. — Если мы встречались, значит, это было не в деловом контексте. А всё, что не в деловом контексте, я предпочитаю оставлять в прошлом.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда начнём сначала.

Он подошёл к столу и сел напротив моего места. Не отрывая от меня взгляда. Я села. Положила папку. Открыла её. Мой голос должен был звучать уверенно.

— Концепция реставрации «Ориона» предполагает сохранение оригинального объёма, восстановление витражей и адаптацию внутренних пространств под культурный центр. Мы уже провели историко-культурную экспертизу. Здание имеет статус объекта культурного наследия регионального значения. Снос невозможен без...

— Без разрешения, которого у вас нет, — закончил он. — Я знаю. Я читал заключение. Оно очень... эмоциональное.

— Оно профессиональное.

— В нём есть слово «душа», — сказал он. — Три раза.

— Потому что у здания есть душа. В отличие от людей, которые хотят построить на его месте очередной торговый центр.

Юрист кашлянул. Лена за моей спиной издала тихий звук, который можно было перевести как «Вера, пожалуйста, не надо».

Ветров не обиделся. Наоборот, откинулся на спинку стула и посмотрел на меня так, будто я только что сделала первый ход в шахматной партии, которую он ждал много лет.

— Хорошо, — сказал он. — Давай по-другому. Я предлагаю вам сделку.

— Я не торгую проектами.

— А ты не дослушала.

Он достал из папки тонкий файл и положил передо мной. На первом листе был план участка. На втором — финансовые условия. На третьем — что-то, от чего у меня похолодели пальцы.

Фотография. Старая, выцветшая, с белой рамкой. На ней — два подростка на фоне кирпичной стены. Мальчик с разбитой бровью. Девочка с растрёпанными волосами и блокнотом в руках. На обороте — мой почерк. Я узнала бы его где угодно. Кривые буквы, слишком крупные для аккуратной девочки.

«Сначала ты. Потом я. Обещаю».

Я подняла глаза.

— Откуда это у вас?

— У меня много чего есть, — сказал Ветров. — Например, твой блокнот. Тот, который ты потеряла в июне, десять лет назад. Или, точнее, оставила. Мне.

В груди стало тесно. Я вспомнила июнь. Жара. Запах пыли. Старый кинотеатр, куда мы лазили через дыру в заборе. Мальчика, который обещал, что однажды отремонтирует это место. И моё собственное обещание, которое я нарушила.

— Это было давно, — сказала я.

— Для меня — нет.

Он наклонился вперёд. Теперь между нами было не больше полуметра. Я чувствовала запах его парфюма — что-то древесное, холодное, с горькой ноткой. И ещё — запах дождя, который он принёс с собой.

— Я предлагаю тебе работать со мной, — сказал он. — Тридцать дней. Ты получаешь доступ ко всем документам, к участку, к моей команде. Ты попробуешь доказать, что «Орион» можно спасти. Если у тебя получится — я отзываю проект сноса. Если нет — ты уходишь из мастерской. И больше никогда не появляешься в моей жизни.

— Это шантаж.

— Это пари.

— А если я откажусь?

Он улыбнулся. И в этой улыбке было столько всего, что мне захотелось выйти из комнаты и никогда не возвращаться.

— Тогда я завтра же подам документы на снос. У меня есть все разрешения, кроме одного. И я найду способ его получить. Ты знаешь, как я умею ждать.

Я знала. Это было единственное, что я помнила о нём слишком хорошо.

— Почему ты делаешь это? — спросила я. — Почему не можешь просто снести здание и забыть?

Он посмотрел на фотографию. Потом на меня. И в его глазах на секунду мелькнуло что-то такое, от чего у меня перехватило горло.

— Потому что ты обещала вернуться, — сказал он тихо. — Я ждал. Теперь твой ход. Сначала ты.

Я открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент свет в переговорной мигнул. Раз. Другой. Кондиционер замолчал. За окном что-то громко хлопнуло, и весь этаж погрузился в темноту.

— Пробки, — сказал юрист. — Наверное, из-за грозы.

Ветров не пошевелился. В полутьме его лицо стало ещё более резким. Я слышала только дождь, стук собственного сердца и его спокойный голос:

— Ну что, Вера? Ты всё ещё хочешь оставить это в прошлом?

Я хотела сказать «нет». Хотела встать и уйти. Но вместо этого моя рука медленно потянулась к фотографии. Я перевернула её и увидела на обороте ещё одну строчку, которой не было раньше. Свежие чернила. Его почерк.

«Ты не помнишь аварию. Но я помню, как ты меня вытащила. И как потом исчезла. Я найду правду, даже если для этого мне придётся снести всё, что ты построила. Сначала ты, Вера. Потом я».

Свет включился так же внезапно, как и погас. Я подняла глаза. Ветров уже стоял у двери, поправляя манжету. На его запястье, под часами, я увидела тонкий шрам. Такой же, как на брови. Только длиннее.

— У тебя есть двадцать четыре часа, — сказал он. — Я пришлю адрес. И, Вера... — он обернулся через плечо. — Не пытайся снова исчезнуть. В этот раз я найду тебя быстрее.

Дверь закрылась. В переговорной остался запах дождя, старых фотографий и чего-то ещё — того, что я запретила себе чувствовать много лет назад.

Я посмотрела на макет «Ориона». На маленькие окна, в которых горел свет. На крышу, где мы когда-то прятались от всего мира. И поняла, что этот мужчина только что ворвался в мою жизнь не для того, чтобы снести здание.

Он пришёл снести меня.

Но он не знал одного: я тоже умею ждать. И я тоже помню больше, чем показываю.

Телефон в кармане снова завибрировал. Я достала его. На экране — новое сообщение с того же заблокированного номера.

«Ты уже вспомнила, что случилось в тот вечер? Или мне напомнить? У тебя есть время до полуночи. Сначала ты».

За окном грянул гром. Я посмотрела на фотографию в руке. На мальчика с разбитой бровью. На девочку, которая обещала вернуться.

И только тогда поняла, что этот номер я никогда не смогу заблокировать по-настоящему.

Потому что он был записан в моей памяти задолго до того, как появился в телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.